

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ НАРОДОВ РОССИИ

УДМУРТЫ ТУКЛИНСКОГО РОДА В XVII – НАЧАЛЕ XX В. ПО ДАННЫМ ПРЕДАНИЙ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Н.В. Пислегин, В.С. Чураков

Николай Викторович Пислегин | <https://orcid.org/0000-0003-3031-031X> | cpeg@rambler.ru | старший научный сотрудник | отдел исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (ул. им. Татьяны Барамзиной 34, Ижевск, 426067, Россия)

Владимир Сергеевич Чураков | <https://orcid.org/0000-0001-9998-3294> | venmis3@gmail.com | старший научный сотрудник | отдел исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (ул. им. Татьяны Барамзиной 34, Ижевск, 426067, Россия)

Ключевые слова

Удмуртия, удмурты, родовая система, род-*выжы*, Тукля, генеалогия, этнографическое краеведение

Аннотация

Одним из относительно крупных удмуртских генеалогических родов является род Тукля, привлекающий к себе внимание исследователей с конца XIX в. До сих пор наиболее содержательной работой, посвященной его изучению, остается статья С.Е. Ласточкина, увидевшая свет в 1926 г. В настоящем исследовании мы сопоставили опубликованные и архивные источники с историческими преданиями, проанализировали процесс формирования сети поселений представителей туклинского рода, а также осветили их контакты, возникавшие в процессе расселения, с соседними удмуртскими родами и народами. В статье приведены дополнительные сведения о бытовавших в прошлом у туклинцев традиционных религиозных культурах. Сочетание исторических и этнографических свидетельств прошлого позволило нам представить наиболее подробную на сегодняшний день картину формирования трех центров расселения членов рода Тукля.

В “золотое десятилетие” отечественного, советского, краеведения в Удмуртии были предприняты значительные усилия, направленные на сбор исчезающих свидетельств прошлого: создавались общества и кружки по широкому изучению Удмуртского края и его народов, организовывались этнографические, археологические и фольклорно-лингвистические экспедиции, в том числе с привлечением специалистов из центральных научных

Статья поступила 12.04.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 08.06.2021
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Пислегин Н.В., Чураков В.С. Удмурты туклинского рода в XVII – начале XX в. по данным преданий и письменных источников // Этнографическое обозрение. 2022. № 2. С. 101–118. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020075> EDN: HRNINN

Pislegin, N.V., and V.S. Churakov. 2022. Udmurty tuklinskogo roda v XVII – nachale XX v. po dannym predanii i pis'mennykh istochnikov [The Tuklia Clan Udmurts in the 17th – Early 20th Centuries According to Tales and Written Sources]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 101–118. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020075> EDN: HRNINN

учреждений (Васильева 1999: 68–88; Загребин 2009; Чураков 2010). Одним из направлений, привлекавших к себе внимание исследователей, являлось изучение удмуртской родовой системы. К этому времени наметились два основных подхода к интерпретации ее сущности. Представители первого (Н.Г. Первухин, И.Н. Смирнов, М.Г. Худяков и их последователи) видели в удмуртских “тотемических” родах наследие эпохи “матриархата”, другие (П.М. Богаевский, П.М. Сорокин, У. Хольмберг и др.) рассматривали их как патрилинейные генеалогические объединения. В итоге в научных работах второй половины XX в. (В.Е. Владыкин, М.Г. Атаманов) возобладало первое направление, которое оформилось в так называемую воршудно-родовую теорию¹.

Среди работ 1920-х годов, посвященных отдельным удмуртским родам и, что примечательно, базирующихся на принципах их патрилинейности (*Герд* 1924; *Перевозищиков* 1926; *Игнаш* 1928), необходимо выделить статью С.Е. Ласточкина “Вотяки «Туклинского» рода”, опубликованную в 1926 г. на русском и удмуртском языках (*Ласточкин* 1926а; *Ласточкин* 1926б). В ней автор, помимо отражения современной ему социально-экономической ситуации, собрал предания об истоках удмуртского рода Тукля (удм. *Тукля выжы*), истории деревень, в которых проживали его представители, особенностях их хозяйствования и верований, контактах с русским народом. В наши дни все указанные краеведом селения, существующие и исчезнувшие, относятся к территории Увинского района Удмуртской Республики, образуя компактно расположенную в одном регионе группу (удм. *выл*). Представляется обоснованной данная удмуртским ученым М.Г. Атамановым комплиментарная оценка проведенному С.Е. Ласточкиным исследованию: в нем значительно полнее, нежели про другие удмуртские роды, были зафиксированы существовавшие в начале XX в. предания. Однако в своей работе, взяв за основу материалы С.Е. Ласточкина, исследователь отнес возникновение рода Тукля к эпохе “матриархата” (*Атаманов* 2001: 101–104). Дополнительный пласт легендарных сведений, собранных значительно позже, отразился также в книге краеведа А.И. Пудова (*Пудов* 2000). Специфика бытования и трансляции устной традиции делает необходимым ее сопоставление с данными письменных источников (писцовые описания, подворные переписи, ревизские сказки, метрические книги, материалы следственных дел). При этом в своей работе мы будем исходить из принципиальной позиции о патрилинейной сущности удмуртских родов. К сожалению, в нашем случае наиболее ранними из сохранившихся являются материалы ландратской переписи 1716 г., в которых также отразились сведения предыдущего подворного описания 1710 г. (Удмуртское Прикамье 2009).

Согласно преданию, первой, материнской, была деревня Старая или Большая Тукля (удм. *Вуж Тукля, Вужгурт*), основанная “предводителем” Тукля² и его родом в давние времена (“когда это было, старики сказать даже приблизительно не решаются”) вблизи р. Ува (удм. *Ва*). Вторым по времени основания, вероятно, стало с. Новый Мултан (*Мултан-Тукля*), которое появилось “гораздо позже”³ (*Ласточкин* 1926а: 70; *Ласточкин* 1926б: 47). Основываясь на рассказе жителя с. Ува-Тукля А.А. Тратканова, С.Е. Ласточкин сообщает о выходе из материнской деревни десяти населенных пунктов, пять из которых, в свою очередь, основали еще четырнадцать селений (см. Табл. 1). Наличие выходцев из рода Тукля в иных поселениях старожилом допускалось и объяснялось возможностью их подселения в уже существующие деревни. Подобные выселения, по его мнению, осуществлялись то ли из д. Пачегурт, то ли из д. Гыркесшур-Тукля (“точно не помнит”). Каким был один из способов образования новых починков, можно заключить из описанного характера землепользования в прежние времена, когда посевы производились на лесных полянах (удм. *волёс*), удаленных на 10–15 верст от жилья. Наличие здесь обрабатываемой земли, примитивных

Таблица 1

**Населенные пункты,
в которых проживали представители рода Тукля***

Материнская деревня	Селения, основанные из материнской деревни	Населенные пункты, основанные из вторичных деревень
Вуж Тукля (Вужгурт)	1. Чабишур 2. Папи 3. Урак 4. Пытсам 5. Лудъйыл-Тукля	
		1. Шушмо 2. Федулово (Пежъяншур) 3. Возёншур 4. Юбергурт 5. Комак
	7. Ува-Тукля (Удугурт)	1. Ярмак 2. Маковыр
	8. Гыркесшур-Тукля (Новая Русская Тукля)	1. Канишур-Тукля (Новая Вотская Тукля)
	9. Узейшур-Тукля	1. Карашур-Тукля 2. Кайсышур-Тукля 3. Пуровой (Зямбай-тыло)
	10. Пачагурт	1. Малафей 2. Пача-Комак 3. Пача починка

* По данным С.Е. Ласточкина (*Ласточкин* 1926а: 71; *Ласточкин* 1926б: 47)

построек (удм. *тылос*) и даже ям (удм. *гу*) для хранения обмолоченного хлеба вполне могло стать основанием для постепенной закладки выселка (*Ласточкин* 1926а: 71, 74; *Ласточкин* 1926б: 48).

Ландратская перепись 1716 г. и I ревизия (1719 г.) зафиксировали относительно недавно произошедшую вторую волну увеличения числа поселений членов *Тукля выжы* на территории двух смежных сотен Арской дороги Казанского уезда: Тохтара Иванова и Айтугана Матвеева (бывшей сотни Бегаша Ямеева). Вероятно, несколько ранее других из д. Большая Тукля (88 ревизских душ⁴) выделилась д. Ва-Тукля (25 душ мужского пола). В архивном источнике, основанном на сведениях утраченных сказок I ревизии, напрямую указывалось на основании большетуклинцами д. Малый Мултан себе усадом⁵ (23) и поч. По речке Узя Тукля (65). Из д. Мултан-Тукля после 1710 г. выделился поч. Пужмесь-Тукля, а между 1716–1719 гг. – поч. Мыркошмес. В материале I ревизии данные о жителях во всех трех селениях были приведены совместно (152 муж.) (РГАДА: Ф. 350. Оп. 1. Д. 147. Л. 696–705об, 934–940; Оп. 2. Д. 1130. Л. 360, 370об). Отдельного внимания заслуживает франкоязычная копия наиболее ранней карты региона, созданной около 1729 г. русскими геодезистами, переданная Ж.-Н. Делилем в Национальную библиотеку Франции (*Постников* 2005: 24–25; *Partie du territoire de Casan s.a.*). Карта отразила наличие большей части населенных пунктов членов рода Тукля, зафиксированных переписями 1710–1719 гг.: Ува-Тукля (*Toukli*), Малый Мултан себе усадом (*Maloi Moltan*), По речке Узя-Тукля (*Ouzetoukli*), Мултан-Тукля (*Starai Moltan Toukli*), Пужмесь-Тукля (*Poujmes Toukli*). На карте не были указаны д. Большая Тукля и поч. Мыркошмес, однако отмечены два селения (восточнее Ува-Тукли – М. Moltan, севернее Мултан-Тукли – *Novoi Moltan*), которые, возможно, существовали некоторое

время в межревизионный период. Также на карте присутствует д. Поршур-Тукля (*Porchour Toukli*), официально зафиксированная лишь после III ревизии. Вероятно, ранее ее жители формально числились в д. Большая Тукля. В картографических материалах последующего периода подобных достаточно значительных расхождений между ними и данными переписей не обнаружено.

II ревизия (1747 г.) отметила незначительные колебания числа облагаемых подушной податью жителей указанных населенных пунктов. Данное обстоятельство объясняется значительным числом утаенных, многие из которых были отмечены следующей переписью (РГАДА: Ф. 350. Оп. 2. Д. 1140. Л. 479–487, 623–634). По III ревизии (1762–1764 гг.) в сотне Ивана Иванова (бывшей Урекея Ларина) располагались четыре поселения, в которых проживали члены *Тукля выжы*: д. Большая Тукля (262 муж., 145 жен.), д. Ува-Тукля (57 муж., 43 жен.), д. По речке Узей-Тукля (55 муж., 38 жен.) и поч. Малый Мултан (57 муж., 41 жен.). В двух сотнях, Сидора Емельянова и Андрея Иванова, выделившихся из сотни Кони Мустаева, числились с. Покровское, Мултан-Тукля тож (144 муж., 67 жен.), д. По ключу Мыркошмес себе усадом (58 муж., 37 жен.) и д. Тукля себе усадом по ключу Пужмесь (64 муж., 31 жен.)⁶. Таким образом, можно констатировать значительное увеличение численности жителей в появившихся до 1719 г. населенных пунктах. Также имели место переселения в родственные деревни (например, из Узей-Тукли в Ува-Туклю). В период между двумя переписями изменилась официальная конфессиональная принадлежность туклинцев: если в 1747 г. все они являлись некрещеными, то к 1764 г. лишь в д. Пачегурт официально числились три “иноверца” (РГАДА: Ф. 350. Оп. 2. Д. 1189 Л. 395–425; Д. 1190. Л. 57–105). В последующем официально придерживающихся традиционных верований в рассматриваемых деревнях не отмечалось.

На третью четверть XVIII в. пришлось следующее разрастание сети поселений членов *Тукля выжы*. Данные IV ревизии (1782 г.)⁷ в сопоставлении с преданиями позволяют говорить о двукратном увеличении численности населенных пунктов, документально (исключая Мултан-Туклю и соотносимые с ней деревни) связываемых с д. Большая Тукля. Из материнской деревни, скорее всего, между 1764–1782 гг. официально выделились д. Поршур-Тукля (в действительности, как следует из упомянутой карты, существовавшая несколькими десятилетиями ранее; 131 муж., 113 жен.), д. Новая Тукля по речке Герке(с)шур (42 муж., 44 жен.) и поч. Ураков (13 муж., 16 жен.), из д. Узей-Тукля – поч. Кайсышур-Тукля (13 муж., 12 жен.). Численность жителей д. Большая Тукля в сравнении с предыдущей ревизией значительно уменьшилась (39 муж., 49 жен.), д. Узей-Тукля – практически не изменилась (59 муж., 64 жен.). В случае с д. Ува-Тукля (70 муж., 71 жен.) и д. Мыркошмес (86 муж., 94 жен.) можно утверждать о естественном приросте числа их жителей. Опираясь на динамику численности населения, также можно предположить переселение в какое-то из новых или старых поселений выходцев из д. Малый Мултан (13 муж., 13 жен.), с. Мултан-Тукля (113 муж., 117 жен.) и д. Пужмесь-Тукля (48 муж., 47 жен.). В рамках губернской реформы Екатерины II все три сотни, к которым относились рассматриваемые деревни, с 1780 г. были разделены между Сарапульским и Малмыжским уездами Вятского наместничества, при этом селения представителей рода Тукля вошли в состав Сарапульского (ЦГАКО: Ф. 583. Оп. 600. Д. 47. Л. 519, 521об, 522). Уменьшение общей численности их жителей (с примерно 700 душ мужского пола по III ревизии до примерно 630 – по следующей) возможно объяснить либо выселением туклинцев в деревни других родов (вероятно, в том числе в Закамье, на башкирские земли⁸), либо особенностями подсчета.

Без сомнения, уже на раннем этапе существования имели место случаи переселения представителей *Тукля выжы* в соседние неродственные деревни и

наоборот. Так, между II и III ревизиями в ближайшем соседстве с туклинцами основали поч. Итча (По речке Итче, совр. д. Итчигурт Увинского района) крещеные удмурты (6 дворов, 16 муж., 9 жен. в 1764 г.), выходцы из д. Новая Семена Головина сотни Федора Степанова Арской же дороги (совр. с. Яньль Кукморского района Республики Татарстан). В момент проведения III ревизии оставшиеся в материнской деревне уже числились старокрещеными удмуртами, а в последующем, к VIII ревизии (1834 г.) или даже ранее, – старокрещеными татарами (кряшенами). Отметим, что зафиксированные А.И. Пудовым предания отразили факт основания д. Итчигурт “тремя старокрещеными татарами” в XVIII в. Согласно тем же преданиям, позднее в починок подселелись не пожелавшие принять крещения выходцы из д. Мултан-Тукля. Доступный источниковый материал вполне позволяет допустить, что переезд мултанцев в Итчу произошел до 1782 г., поскольку число жителей этого поселения выросло по IV ревизии до 90 (44 муж., 46 жен.: данный рост маловероятен в случае простого воспроизводства населения), а в Мултан-Тукле, наоборот, численность проживающих уменьшилась. При этом подселенцы уже были официально крещены. Между 1834–1850 гг. в Итчу также заселились русские ясачные и чернососшные крестьяне. В середине 1880-х годов здесь проживали 224 удмурта и 125 русских. В 1920 г. из деревни выделилась в основном удмуртская по составу населения д. Луна (РГАДА: Ф. 350. Оп. 2. Д. 1186. Л. 536–555; Д. 1189. Л. 538–539об; ГА РТ: 17–41; ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 1157. Л. 167–183, 365–367; ЦГАКО: Ф. 583. Оп. 600. Д. 47. Л. 522; Приложение 1885б: 16; *Пудов* 2000: 145, 153). С Мултан-Туклей и окрестными удмуртскими поселениями (возможно, не только туклинскими) преданиями также увязываются д. Чумой (Старый Чумой) и д. Новый Чумой (Ляган), однако время их появления документально можно удревнить: поч. Чумой появился не в 1830-е годы, а между 1782–1795 гг., поч. Новый Чумой – между 1811–1816 гг. (вместо 1860-х годов). Вплоть до конца XIX в. в них проживали только удмурты (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 8. Д. 53. Л. 2об–3; ЦГАКО: Ф. 583. Оп. 22. Д. 48. Л. 310–312; Приложение 1885б: 16; *Пудов* 2000: 157, 168).

С 1797 г. связанные с Мултан-Туклей селения были включены в состав Селтинской волости Глазовского уезда, а с Большой Туклей – Нылга-Жикьинской волости – Сарапульского уезда Вятской губернии. По данным V ревизии (1795 г.), отраженным вторичным источником – ведомостью хозяйственной экспедиции Вятской казенной палаты 1802 г., число жителей двух селений первой группы несколько уменьшилось, скорее всего, за счет выселений (Мултан-Тукля – до 96 ревизских душ, Мыркошмес – до 81), одного (Пужмесь-Тукля) – выросла в 1,5 раза (73). Кроме упомянутого выше Чумоя, в Селтинской волости также был отмечен поч. Пытцам (27 муж.), который можно напрямую соотнести с представителями рода Тукля на основании зафиксированных в работе А.И. Пудова преданий и по данным ревизских сказок конца XVIII – начала XIX в. Согласно первым, Пытцам возник из Мултан-Тукли и Узей-Тукли, вследствие чего у его жителей бытовали два отдельных священных места. Согласно письменным источникам, во время проведения V ревизии поч. Пытцам находился в сотне Сидора Емельянова, что дает основания увязать его возникновение с Мултан-Туклей. Учитываемый же позднее совместно с ним поч. Верхний и Малый Мултан принадлежал сотне Ивана Иванова. Из него в межревизионный период одна ревизская душа выбыла в Узей-Туклю (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 8. Д. 16. Л. 101–102; ЦГАКО: Ф. 583. Оп. 22. Д. 48. Л. 310–312; *Пудов* 2000: 163–164). Таким образом, утверждение С.Е. Ласточкина о возникновении данного населенного пункта из Большой Тукли, скорее всего, неточно. Основан он был между 1782–1795 гг. В материалах всех последующих ревизий формальное разделение Пытцама на разные починок сохранилось. В Нылга-Жикьинской волости

к восьми ранее существовавшим туклинским населенным пунктам добавился поч. Лудзя-Тукля (9 муж.). Численность жителей шести деревень и починков выросла со 190 до 225 ревизских душ (в т.ч. незначительно в д. Большая Тукля и поч. Ураков – на 3 и 1 душу соответственно), в д. Поршур-Тукля осталась неизменной (131 муж.), в д. Узей-Тукля – уменьшилась до 52 (ЦГАКО: Ф. 583. Оп. 22. Д. 48. Л. 235–236). На основании вышесказанного можно согласиться с зафиксированным С.Е. Ласточкиным преданием о заселении новопоселенного поч. Лудзя-Тукля из Большой Тукли, допустив вероятность прибытия в него жителей и из иных деревень, в первую очередь, соседней Поршур-Тукли.

По данным сказок VI ревизии (1811 г.) в Селтинской волости было пять селений, связанных с туклинцами, в них насчитывалось 338 ревизских душ. Поч. Пытцам (35 муж.) включал в свой состав поч. Верхний и Малый Мултан (13 муж.). После предыдущей ревизии из д. По ключу Мыркошмес был основан поч. Хомякгурт (23 муж.), что коррелирует с легендой, отраженной С.Е. Ласточкиным (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 8. Д. 16. Л. 73–77об, 85–90, 101–102, 121–124об). В Нылга-Жикьинской волости бесспорно туклинскими являлись 10 деревень и починков с 562 ревизскими душами, в их числе новопоселенный поч. Верхний Малый Мултан, или Юберггурт (11 муж.), основанный в 1800 г. из д. Малый Мултан. В 1803 г. в него подселены выходцы из д. Новая Тукля по речке Гыркесшур (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 335. Л. 140–161об, 164–167, 188–189, 196–197, 200–206об). С.Е. Ласточкиным данное селение связывалось с Поршур-Туклей. По VII ревизии (1816 г.) в Селтинской волости в описываемых селениях произошло уменьшение численности жителей по сравнению с предыдущей переписью (288 муж., 296 жен.). Поэтому с ними можно увязать как минимум один впервые фиксируемый починок – Жеги (позднее – Жиги): с большой долей вероятности приведенные А.И. Пудовым сведения об основании в 1860-е годы трех деревень Жиги из Пужмесь-Тукли (другое ее название – Жиги) по отношению к одной из них – Средних Жигов (Пойшура) – могут быть отнесены к 1811–1816 гг. (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 8. Д. 53. Л. 3, 233об–240, 255об–263, 293об–298, 355об–362; Пудов 2000: 121, 124, 129). В Нылга-Жикьинской волости в 1816 г. официально были зафиксированы три новых туклинских починка: Над ключом Папи (10 муж., 9 жен.), Над ключом Чабышур (11 муж., 11 жен.) и Над ключом Пудшовай (15 муж., 15 жен.). Первые два из них С.Е. Ласточкиным были увязаны с Большой Туклей, однако в действительности только Папи основали отсюда в 1810 г. Чабышур был образован в 1801 г. выходцами из Новой Тукли по речке Гыркесшур; Пудшовай – в 1811 г. из Кайсышур-Тукли и Узей-Тукли; Пудшовай не был упомянут в работе 1926 г., однако А.И. Пудовым верно отнесен к селениям представителей рода Тукля. Всего в 13 деревнях и починках на 1816 г. проживали 561 муж., 481 жен. Около 1811 г. также был основан поч. Кейшур (Ермаково) (3 муж., 3 жен.; в 1834 г. 4 муж., 4 жен.; в 1858 г. 6 муж., 7 жен.): по Ласточкину – из Ува-Тукли, в действительности – из д. Даты-Можга и поч. Беризгурт-Чунча, жители которых относились к роду-выжы Можга (что, впрочем, не исключает возможных последующих, после 1858 г., незначительных подселений сюда туклинцев) (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 602. Л. 8об–36, 44об–47, 124об–125, 131об–139, 164об–166об, 325об–327, 362об–366, 370об–387об, 413об–420, 424об–426, 433об–439; Д. 756. Л. 548–550; Д. 1659. Л. 297–300; Пудов 2000: 320).

В конце 1816 г. был восстановлен ликвидированный в 1796 г. Малмыжский уезд, населенные пункты, в которых проживали члены рода-выжы Тукля, вошли в его состав. Сохранившаяся Селтинская волость включала шесть туклинских поселений, в которых по VIII ревизии (1834 г.) числились 344 ревизских душ и 334 души женского пола (в т.ч. в поч. Жеги 29 муж., 23 жен.). Впер-

вые между здешними удмуртами-туклинцами были отмечены русские крестьяне (12 муж., 9 жен.), выходцы из Орловского и Глазовского уездов, ближе к 1834 г. подселившиеся в Хомягурт и Жеги (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 766. Л. 336–345, 376–390, 432–442, 545–553, 852–856). В Николаевской (Вавожской) волости в 14 поселениях были зафиксированы 1450 чел. (729 муж., 721 жен.). В 1827 г. из Ува-Тукли был основан поч. При речке Вожешур, Маковыр тож (44 муж., 45 жен.). Тогда же в Малом Мултане (16 муж., 16 жен.) и Новой Тукле по речке Гыркесшур (61 муж., 66 жен.) поселились русские (3 муж., 4 жен. в первой деревне, 9 муж., 15 жен. во второй) из, соответственно, изначально удмуртской д. Котло-Копки Селтинской волости и из ряда селений Нолинского уезда (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 756. Л. 215–239, 329–332, 340а–345, 356–372, 380–386об, 396–413, 428–442, 580–585). Заметим, что для зафиксированных в краеведческих работах преданий характерно незнание точного времени начала непосредственного проживания бок о бок удмуртов с русскими (см., например: *Ласточкин* 1926а: 71). Как и во многих других удмуртских деревнях, в туклинских соседство пришлось на время проведения Генерального межевания в Вятской губернии (1804–1835 гг.). Между VIII и IX (1850 г.) ревизиями русские крестьяне также стали проживать в с. Мултан-Тукля, поч. По ключу Мыркошмес и некоторых других селениях⁹.

В рамках преобразований государственной деревни 1837–1841 гг. вновь была реорганизована административно-территориальная структура края. В 1850 г. в составе Лекшурского сельского общества Жайгильской волости находились все те же шесть туклинских селений прежней Селтинской волости, в которых насчитывалось 806 (398 муж., 408 жен.) удмуртов и русских. В 1858 г. (X ревизия) в них проживали 432 муж., 458 жен. (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 1132. Л. 250–264, 297–312, 315–320, 523–532, 537–546, 605–610; Д. 1644. Л. 493–509, 551–576, 645–659, 667–677, 761–768). Из 14 поселений, бывших ранее в Николаевской волости, 11 располагались в Поршур-Туклинском, три – в Старочунчинском сельском обществе Ува-Туклинской волости. В 1858 г. в них проживали 867 муж., 932 жен. Кроме того, в первом из обществ после 1850 г. появился выделившийся из Поршур-Тукли русский поч. При ключе Возеншуре (20 муж., 36 жен.) (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 1126. Л. 108–136, 200–206, 270а–292, 321–327, 361–425, 437–445, 463–469; Д. 1659. Л. 94–120, 174–181, 249–272, 308–317, 355–419, 430–438, 455–460, 481–485; Списки 1876: 379; *Ласточкин* 1926а: 71).

В середине 1880-х годов туклинские деревни располагались в ряде сельских обществ Мултанской (с 1880 г.¹⁰) и Ува-Туклинской волостей Малмыжского уезда Вятской губернии. В Мултанской волости в девяти селениях насчитывалось 1077 удмуртов (533 муж., 544 жен.), в семи из них (в основном в Мултан-Тукле и Пачегурте, а также Пужмесь-Тукле, Нижних и Средних Жигах (в обоих с преобладанием), Пытцаме и Комакгурте) соседями являлись 355 русских крестьян (167 муж., 188 жен.). Вскоре после 1858 г. из, вероятно, Жигов и Пужмесь-Тукли были основаны деревни Верхние (40 муж., 45 жен.) и Нижние (24 муж., 31 жен.) Жиги, в 1870-е года из Пачегурта выделился поч. Малофеевцы (31 муж., 33 жен.). В Ува-Туклинской волости в 17 населенных пунктах проживали 2386 (по 1193 души каждого пола) удмуртов. В семи из них (Большая Тукля, Ураково, Лудзил-Тукля, Ува-Тукля, Маковыр, Кайсышур-Тукля, с преобладанием в Малом Мултане) также присутствовали русские (153 муж., 176 жен.). Новыми являлись поч. Комаковский (76 муж., 71 жен.), вышедший из Поршур-Тукли в 1858 – начале 1870-х годов, поч. Канишур-Тукля (76 муж., 62 жен.), основанный в 1870 г. в результате ухода удмуртов из д. Новая Тукля по речке Гыркесшур, и поч. Пуровой (38 муж., 37 жен.), появившийся в 1870-е годы из Узей-Тукли. Кроме того, следует назвать четыре поселения, основанных русскими крестьянами, в основном выселившимися из туклинских деревень. Помимо возникше-

го в дореформенный период Возеншура, это Карашур-Тукля, в который в 1867 г. из Узей-Тукли выехали все русские дворы, Федулово (Пежъяншур), образованный в 1872 г. из Поршур-Тукли, и Новая Русская Тукля (бывшая Новая Тукля по речке Гыркесшур). В них земские статисты насчитали 420 чел. (189 муж., 231 жен.) (Приложение 1885а: 18, 20; Приложение 1885б: 14–21; Списки 1876: 379; Ласточкин 1926а: 71; Пудов 2000: 121, 124, 129, 154, 271, 318, 319). Наконец, в конце XIX – первой трети XX в. появились еще шесть селений (в т.ч. смешанных удмуртско-русских), в которых со значительной долей вероятности могли проживать представители Тукля *выжсы*: в конце 1880-х годов из Мултан-Тукли образовался Мултанский выселок, в 1890-е годы из Поршур-Тукли – поч. Шушмо, в 1928 г. – д. Малый Поршур, в 1920 г. из Пачегурта был основан поч. Каменное, в 1928 г. – поч. Васяшур из Пуштова, Маковыра, а также из не принадлежавшего туклинцам Жейлуда (Актемыр-Ошмеса)¹¹ и поч. Темкино из Ураково (Пудов 2000: 147, 158, 220, 223, 229, 321). В советский период далеко не сразу все они вошли в состав Увинского района. Менее половины из них существуют в наши дни.

Таким образом, можно назвать не менее 32 населенных пунктов на территории Увинского района Удмуртии, в которых проживали представители рода Тукля, не считая чисто русских деревень, основанных из них же, и ряда поздних поселений, которые могут быть с ними связаны. Кроме скорее всего никогда не существовавшего поч. Пача-Комак, преемственность всех остальных поселений, упомянутых С.Е. Ласточкиным, нам удалось проследить (см. Табл. 2).

Некоторое внимание в своей работе С.Е. Ласточкин уделил особенностям бытования традиционных религиозных культов удмуртов-туклинцев. Им были описаны общественные моления на природе (луг, речной берег, лесная опушка, поле) и в специальном культовом сооружении при каждой деревне (удм. *куала*).

Таблица 2

**Населенные пункты рода Тукля
Увинского района Удмуртской Республики**

Материнская деревня	Селения, основанные из материнской деревни	Населенные пункты, основанные из вторичных деревень	Населенные пункты, основанные из деревень третьей ступени
Старая Тукля (устар. Большая Тукля; удм. Вуж Тукля, Вужгурт)	1. Новый Мултан (устар. Мултан-Тукля, Покровское; удм. Виль Мултан, Мултан)	1. Пужмесь-Тукля (устар. Тукля по ключу Пужмесь, Жиги; удм. Жӧгы) ¹² 1710–1716 гг.	1. Верхние Жиги (удм. Пышты, несущ.) 1860-е гг.
			2. Средние Жиги (устар. Жеги, Новые Жиги, Пойшур, Верхний Пойшур; удм. Пойшур, несущ.) 1811–1816 гг.
			3. Нижние Жиги (устар. Пойшур, Нижний Пойшур; удм. Пойшур, несущ.) 1860-е годы
		2. Пачегурт (устар. По ключу Мыркошмес, Мыркошмес; удм. Пачегурт) 1716–1719 гг.	1. Верхний Мултан (удм. Комакгурт, Пача починка, несущ.) 1795–1811 гг.

		2. Малафеевцы (устар. Верхний Малый Мултан; удм. Малафей, несущ.) 1870-е годы
		3. Каменное (несущ.) 1920 г.
	3. Новомултанский (устар. Мултанский, несущ.) Конец 1880-х годов	
	4. Пытцам (устар. Над ключом Пытцамом Верхний и Малый Мултан; удм. Пытсам) 1782–1795 гг.	
2. Узей-Тукля (устар. По речке Узей Тукля; удм. Бызара) Конец XVII – начало XVIII в. (до 1710 г.)	1. Теньгурт (устар. Кайсышур-Тукля; удм. Теньгурт, несущ.) 1764–1782 гг.	1. Пуштовой (устар. Над ключом Пудшовой; удм. Пуштовой) ¹³ 1811 г.
	2. Пуровой (удм. Ёамбай Тыло, несущ.) 1870-е годы	
3. Ува-Тукля (удм. Ва-Тукля, Удугурт) Конец XVII – начало XVIII в. (до 1710 г.)	1. Маковыр (устар. При речке Вожешур; удм. Маковыр, несущ.) 1827 г.	1. Васяшур (несущ.) ¹⁴ 1928 г.
4. Куклемаз (устар. Малый Мултан; удм. Куклемаз, несущ.) Конец XVII – начало XVIII в. (до 1710 г.)	1. Юбергургт (устар. Верхний Малый Мултан; удм. Юбергургт, несущ.) 1800, 1803 гг.	
5. Русская Тукля (устар. Новая Тукля по речке Гыркесшур, Гыркесшур-Тукля, Новая Русская Тукля; удм. Гыркесшур, часть пос. Ува) ¹⁵ 1764–1782 гг.	1. Чабишур (устар. Над ключом Чабышур; удм. Чабишур) 1801 г.	
	2. Удмуртская Тукля (устар. Канишур-Тукля, Новая Вотская Тукля, Новотуклинский выселок; удм. Вильгурт, несущ.) 1870 г.	
6. Поршур-Тукля (удм. Поршур) 1764–1782 гг.	1. Хомяково (удм. Комак, несущ.) После 1858 г. – 1860-е годы	
	2. Шушмо (устар. Поршурский выселок; удм. Шушмо, часть д. Поршур-Тукля) 1890-е годы	
	3. Малый Поршур (несущ.) 1928 г.	
7. Ураково (удм. Урак, несущ.) 1764–1782 гг.	1. Темкино 1928 г.	
8. Лудзил-Тукля (удм. Лудзийыл, несущ.) 1782–1795 гг.		
9. Папи (устар. Над ключом Папи; удм. Папи, несущ.) 1810 г.		

Моления богу Мукулчину включали в себя жертвоприношение особыми выборными жрецами “гусей, баранов, рогатого скота” (Ласточкин 1926а: 73). Последующая трапеза, угощение самодельным алкоголем-кумышкой и медовым напитком-шербетом, сопровождалась музыкой и весельем. По преданиям, в Лудзил-Тукле когда-то имелась общая для всего туклинского рода куала со своим жрецом. Еще один атрибут удмуртской традиционной религии – священные роши *керемети* (удм. *луд*) – у туклинцев в начале XX в. уже был “уничтожен” (Ласточкин 1926а: 73–74). Зафиксированное рядом исследователей (Б.Г. Гаврилов, И.В. Яковлев, П.М. Богаевский, П.Н. Луппов, Н.М. Маторин, Н.И. Шутова, Р.Р. Садиков и др.) бытование крупных общеродовых или надобщинных (“окружных”) молений (удм. *мерен вӧсь, элен вӧсь, губер вӧсь*) удмуртов (см., например: Шутова и др. 2009: 31, 132, 170, 181–182, 196; Садиков 2008: 44–45) у туклинцев, проживавших в рассматриваемой местности, в силу стечения обстоятельств было подробно задокументировано. Предписанием вятского губернатора в 1857 г. началось расследование дела по жалобе духовенства с. Покровское (Мултан-Тукля) о языческом молении с жертвоприношениями, совершенном 8 июля (“в день праздника” Казанской иконы Божьей Матери) на поле (урочище) Дорюлуд у д. Поршур-Тукля. Среди участников были названы жители 13 как ближайших, до 6 км по прямой (Поршур-Тукля, Узей-Тукля, Лудзил-Тукля, Кайсышур-Тукля, Большая Тукля, Верхний Малый Мултан, Ураково), так и относительно отдаленных (7–15 км) селений (Малый Мултан, Пуштовай, Маковыр, Чабишур, Новая Тукля, Папи) Ува-Туклинской волости. Более 100 человек из 11 населенных пунктов (кроме самых дальних – Новой Тукли по речке Гыркесшур и Папи) были охвачены полицейским опросом. Участниками действия или наблюдателями за тем, чтобы не произошло какого-либо “буйства или противного православной религии обычая”, являлись также и выборные представители крестьянского самоуправления – сельский старшина, оба, старший и младший, добросовестных сельской расправы (суда) Поршур-Туклинского общества и, возможно, полицейский сотский д. Большая Тукля. Со слов опрошенных, подобные собрания по традиции (“как будто бы в воспоминание”) проводились один раз через три года, сюда привозились продукты и кумышка для “пирушки” и веселья, а раньше, в бытность нахождения “в язычестве”, также проводились моления и жертвоприношения в рамках традиционного культа (ЦГАКО: Ф. 56. Оп. 1. Д. 611. Л. 7–8об, 14–15, 21–24, 40–41об; Пислегин 2013: 30–31). Подытожив, можно отметить масштабность описанного мероприятия, охватившего почти все, кроме с. Ува-Тукля, поселения волости, относившиеся к роду-*выжы* Тукля, что, без сомнения, было обеспечено как неформальными, так и формальными институтами сельского самоуправления, вписанного в государственный механизм. Интересно отметить, что представителей от туклинцев, проживавших в соседней Жайгильской волости, в том числе из поч. Над ключом Пытцамом Верхний и Малый Мултан, выделившегося на полвека ранее описываемого события из Узей-Тукли, среди участников моления отмечено не было. Подобное нельзя объяснить их удаленностью, поскольку, например, Пытцам или Пачегурт находятся много ближе к Поршур-Тукле, нежели Папи. Скорее влияние оказала как давность выделения их от общего корня, так и, вероятно, нахождение в разных малых административно-территориальных единицах.

Интересным представляется проследить формирование сети поселений туклинцев на примере родословной¹⁶ одного из несомненных представителей *Тукля выжы*. Это родившийся в д. Пуштовай первый Герой Советского Союза из удмуртов Виктор Кузьмич Пислегин (1920–1941). Его отец, Кузьма Ионович Пислегин (умер в 1935 г.), был участником Первой мировой войны. В середине

XIX – начале XX в. жили дед и прадед, Иона Иванович (1854–1901) и Иван Ефимович (1834–1903) Пислегины. В ревизской сказке 1834 г. впервые упоминается их фамилия (первый двор поч. По ключу Пуштовой) наряду с фамилией Бегтягины (второй двор)¹⁷. В такой же последовательности упомянуты эти дворы – 30-летнего Петра Петрова (где среди прочих указан его годовалый сын Ефим) и 37-летнего Тимофея Петрова – по первой для новопоселенного починка сказке 1816 г. Наряду с еще одним двором (из пяти) они основали починок в 1811 г., прибыв из Кайсышур-Тукли. Их родственные связи, помимо семейных преданий¹⁸, подтверждаются метрической книгой 1815 г., отметившей факт рождения прапрадеда Виктора Кузьмича Ефима Петрова и указавшей воспреемника (крестного) – “того ж починка [Кайсышура] деда его” Тимофея Петрова. С большой долей вероятности можно предположить, что их предком был узей-туклинец Пислег Бектылев, в крещении ставший Данилом Петровым. Согласно сказке 1764 г., ему 34 года, сыну Петру – 14 лет. Вероятно, он сам или его сыновья были среди основателей Кайсышур-Тукли, а его дохристианские имя и отчество стали основой фамилий потомков. Ревизской сказкой 1747 г. родоначальник Пислегиных и Бегтягиных назван 17-летним сыном умершего, но отмеченного предыдущей переписью 1719 г. Бекты Миронова. Последний, согласно сохранившимся сведениям переписи 1710 г., отсутствует во дворе Мироновых в недавно основанном из Большой Тукли поч. По речке Узей-Тукле, однако в дополнениях к I ревизии указано время его смерти – 1724 г.¹⁹ Кроме того, по самому тексту (“Во дворе Бидалейко Миронкин 30 [лет]. У них [курсив наш. – Н.П., В.Ч.] мать Янсалтанка Ахманова 65...”)²⁰ косвенно можно предполагать его проживание в одном хозяйстве вместе с братом. Наверняка можно говорить об их отце Мироне, во второй половине XVII в. жившем в материнской деревне рода (РГАДА: Ф. 350. Оп. 1. Д. 147. Л. 698; Оп. 2. Д. 1133. Л. 768об; Д. 1140. Л. 632об; Д. 1190. Л. 96–96об; ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 602. Л. 424об–425; Д. 756. Л. 428–432; Д. 1659. Л. 309об; ЦГА УР: Ф. 134. Оп. 1. Д. 1886. Л. 7; Д. 2257. Л. 38об–39; ЦГА УР: Ф. 307. Оп. 1. Д. 18. Л. 97об–98; Д. 19. Л. 343об–344; Пислегин 2014: 35).

Помимо Увинского района, исследователями отмечены еще два куста расселения представителей рода Тукля. Один из них расположен севернее, на примыкающих друг к другу территориях Глазовского, Базезинского и Красногорского районов Удмуртии. П.М. Сорокиным в конце XIX в. сюда были включены починок Отогурт и Артемовский Кестымской волости и вся Сюрзинская волость Глазовского уезда Вятской губернии (*Белых и др.* 2007: 90; ЦГАКО: Ф. 170. Оп. 1. Д. 126. Л. 59об). В 1920-е годы и во второй половине XX в. в ходе этнографических экспедиций туклинцы также были выявлены среди жителей дд. Верхние Парзи, Гондырево, Лумпашур, Озегвай, Пеганово, Сыга, Тек, Тяпык, Ивановцы, Куака, Удмуртский Караул, Убытьдур и двух Ягошуров (в Базезинском и Глазовском районах) (см. *Атаманов* 2001: 144–146, 148–149; НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН: Д. 337. Л. 211, 215; Д. 431. Л. 38, 93).

На примере некоторых из названных селений проследим возникновение и развитие данного куста. Так, появление современной д. Удмуртский (Вотский/Убытский) Караул связано с переселением между 1782–1795 гг. всех жителей д. Убытский Караул в появившийся между 1762–1782 гг. новопоселенный починок с одноименным названием (скорее всего, основанный из той же деревни) в рамках Убытского конца Верхочепецкой верхней доли Глазовского уезда. Из д. Убытский Караул между 1722–1747 гг. также была основана д. Вверх по Убыте (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 8. Д. 10. Л. 368–369об; ЦГАКО: Ф. 583. Оп. 600. Д. 47. Л. 355; РГАДА: Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190. Л. 462об–466). Впервые Убытский Караул упоминается в подворной переписи 1710 г. как поч. Убыцкой, что стоит караул

на заставе, без указания времени основания и места, откуда прибыли первопоселенцы. Отсутствие его в переписи вновь расчистных починок Каринского стана, возникших в период с 1679 по 1700 гг., говорит об основании между 1700–1710 гг., а сопоставление имен первопоселенцев с именами жителей Каринского стана (волости) Хлыновского уезда по подворной переписи 1678 г. позволяет достоверно установить исходное селение – поч. Верхняя Богатырка Чепецкой доли (стана) (РГАДА: Ф. 141. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–49об; РГАДА: Ф. 1209. Оп. 1. Д. 339. Л. 698–701об; Д. 1034. Л. 665–665об; Удмуртское Прикамье 2009; Удмуртское Прикамье 2016). В свою очередь, Верхняя Богатырка (поч. На речке на Верхней Богатырке/Сеитовский подле Богатырки речки) отмечена в переписях 1662, 1646 и 1629 гг., а в 1615 г. ее основатели числились, в числе прочего, “безвестно” бежавшими в 1613 г. из погоста Круглого Каринской волости (РГАДА: Ф. 1209. Оп. 1. Д. 39. Л. 604об; Д. 54. Л. 227об–228; Д. 519. Л. 582–584; Д. 1030. Л. 518–518об; Удмуртское Прикамье 2009; Удмуртское Прикамье 2016). Известным является второе, удмуртское, наименование д. Круглово (совр. Слободской район Кировской области) – Чола, происходящее от названия удмуртского рода *выжы* Чола. Аналогичным (из Круглово через Верхнюю Богатырку) является происхождение еще некоторых поселений, полностью или частично соотносимых исследователями (М.Г. Атамановым и, возможно, П.М. Сорокиным – см. *Атаманов* 2001: 104; *Белых и др.* 2007: 90) с родом Тукля. В частности, так возникла д. Убытская, а из нее (а также из д. Большая и Малая Сыга и д. Дальняя Саля) между 1811–1816 гг. – “туклинский” поч. По речке Верхней Шуезе до ключа Шуезского (Убытьдур) (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 58. Л. 272об–275). Здесь можно предположить либо полное выселение из Круглово людей, относивших себя к *Тукля выжы*, либо недостатки методики сбора этнографической информации. Пример поч. Верхние Парзи (Вверх речки Парзи/Кондратейпи) еще в большей степени отрицает заявленную этнографами принадлежность его жителей к изучаемому роду, поскольку данное поселение основано в 1822 г. из дд. Трубашур и Лудошур (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 8. Д. 90. Л. 450–452об).

Другой пример нам дает происхождение д. Отогурт (Вверх-Сепычский). Заметим, что в середине XIX в. поселение находилось в составе Сюрзинского сельского общества Сепычской волости, которое с 1859 г. стало Сюрзинской волостью, полностью отнесенной П.М. Сорокиным к району сосредоточения селений туклинцев (*Белых и др.* 2007: 90). Интересна также его малая административно-территориальная принадлежность до 1797 г. – Парзинская волость, выделившаяся из Каринской Первой удмуртской доли после 1722 г. Первая доля в основном располагалась в нижнем течении Чепцы вне пределов современной Удмуртии, однако ее парзинские селения в качестве эксклавов были также разбросаны в пределах других удмуртских долей на территории современных Глазовского, Балезинского и Кезского районов, при этом как минимум часть жителей двух из них – д. Ковалевской и поч. По Пызепу Зудо (Петухово) – принадлежала также другим административным единицам: Дебесскому Первому концу Пятой Пургинской и Пызепскому концу Пятой Игринской долей. Поч. Вверх Сепыча появился между 1722–1747 гг. из д. Парзинской (Парзи/Чебергурт), из нее же (и частично из нее) в разные периоды XVIII в. были также основаны д. Ковалевская, поч. Озегваевский (между 1747–1762 гг.), поч. Пусошурский (Шемпигурт), в свою очередь, частично из д. Ковалевской – “парзинская” часть поч. По Пызепу Зудо (РГАДА: Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190. Л. 113–124об, 881об; Д. 3198. Л. 77–106, 332–334; ЦГАКО: Ф. 170. Оп. 1. Д. 1336. Л. 374–377об; ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 8. Д. 2. Л. 192–205об; Д. 145. Л. 1539–1567; ЦГАКО: Ф. 582. Оп. 139. Д. 433. Л. 2–4, 5об–8об, 14; ЦГАКО: Ф. 583. Оп. 600. Д. 47. Л. 354). Сама д. Парзинская (поч. Парзинский вверх Чепцы реки) прослеживается

в составе удмуртских Первой и Второй долей Каринского стана в переписях 1710–1722 гг. (РГАДА: Ф. 214. Оп. 5. Д. 2262. Л. 13об–14; РГАДА: Ф. 350. Оп. 1. Д. 371. Л. 21об–22об; Оп. 2. Д. 3835. Л. 521об–522об; РГАДА: Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 526об–527об). Впервые она упоминается как поч. Парзинский в составе Чепецкого стана (доли) Каринской волости (стана) Хлыновского уезда в подворной переписи 1678 г., причем поименный анализ его жителей позволяет утверждать их переселение после 1646 г. из бесермяно-удмуртского погоста Шамардан Каринского стана (совр. татарская д. Шамарданово Слободского района Кировской области). Более того, все они или большая их часть (дворы Федора, Терентия, Афанасия Семеновых, Василия Сидорова, Балтача Идегова Кайсиных и Сабанчяя Кибина Люлина 1678 г.) в конечном итоге восходят к братьям Кайсе и Кибе Люлиным, указанным в самой ранней из доступных переписи 1615 г. Мы можем достоверно говорить об их принадлежности к роду-*выжы* Тукля, обратившись к переписи 1646 г. Тогда среди пока еще жителей погоста Шамардан были названы удмурты Киба Люлин Тюклин (sic!) с детьми Исупом, Зянкилдеем и Сабанчеем (РГАДА: Ф. 1209. Оп. 1. Д. 39. Л. 588об–589; Д. 339. 714об–716об; Д. 519. Л. 493–493об; Д. 1030. Л. 514–514об).

Итак, опираясь на генеалогические данные, можно достоверно утверждать, что в указанных исследователями населенных пунктах на стыке Глазовского, Базезинского и Красногорского районов Удмуртии действительно проживают представители рода Тукля, которые происходят от удмуртов, живших в XVI–XVII вв. вблизи д. Карино (совр. Слободской район Кировской области). Вполне вероятно присутствие их потомков и в некоторых других деревнях Северной Удмуртии. В обозримой посредством сохранившихся документальных источников ретроспективе (до конца XVI – начала XVII в.) связь этой группы туклинцев с поселениями членов *Тукля выжы* Увинского района не просматривается, однако, учитывая, что появление удмуртов в Карино из “Казанской земли” относится к концу XV в. (Чураков 2013: 21), такую генетическую связь можно допустить.

Еще один регион, в котором проживают представители рода Тукля, не образуя отдельных селений, расположен за пределами Удмуртской Республики, в Татышлинском районе Башкирии. Туклинцы отмечены в качестве одной из трех родовых групп д. Арибаш, одной из пяти групп д. Верхнебалтачево. Появление членов *Тукля выжы* на башкирских землях связано с историей формирования Закамской этнографической группы удмуртов (Садиков 2008: 6, 64, 68; Садиков 2019: 537; Атаманов-Эграпи 2010: 115). Предположить их непосредственную связь как с увинскими туклинцами, так и с представителями своего рода из деревень Северной Удмуртии вполне возможно.

Среди трех территорий проживания туклинцев основной и, вероятнее всего, исходной являлась та, что находилась в бассейне р. Ува. Однако даже здесь к началу XVIII в. поселения представителей рода Тукля уже были разделены по административному признаку, входя в соседние сотни Арской дороги Казанского уезда. Относительно недолго они располагались в рамках разных сотен Сарапульского уезда, в 1797–1816 гг. – в Сарапульском и Глазовском уездах, позже – разных волостях Малмыжского уезда. Именно в таком разделении, на наш взгляд, состоит основная причина выявленного как по данным переписей, так и на уровне преданий отсутствия тесных контактов между их жителями и даже сколь-либо значимой памяти об общности происхождения. Предания, зафиксированные этнографами и краеведами, менее точны в сравнении с письменными источниками, но вместе с тем могут восполнить отдельные лакуны, образовавшиеся в результате утраты или отсутствия документальных данных. Кроме того, они являются тем исходным знанием, от которого необходимо от-

талкиваться в историческом изучении удмуртской родовой организации. Путем подобного совмещения методов исторического исследования на примере удмуртского рода *выжы* Тукля мы показали возможность воссоздания достаточно точной картины формирования поселенческой сети рода, которая к тому же подкрепляется на уровне генеалогий конкретных его представителей. В ходе исследования удалось подтвердить на историческом материале этнографические свидетельства наличия членов *Тукля выжы* среди северных удмуртов. Начиная с самых ранних сохранившихся документальных источников прослежены контакты туклинцев с представителями других удмуртских родов (Можга, Монья, Жикья и др.) и народов (например, бесермянами), вплоть до совместного проживания с ними. В течение XIX в. все большее развитие получило тесное соседство с русским народом.

Примечания

¹ Подробнее о проблемах, связанных с изучением удмуртской родовой организации, теоретической и методологической несостоятельности воршудно-родовой теории см. (Чураков 2007; Чураков 2013).

² Здесь мы имеем дело с персонификацией родового имени. Названия удмуртских родов *выжы* образовывались в соответствии с антропонимической моделью “имя/прозвище” родоначальника + патронимический суффикс *-а* (Чураков 2007). В случае с родом Тукля его название, скорее всего, образовано от тюркского по происхождению имени Туклы + суф. *-а* > Тукл(ы)йа > Тукля.

³ В своей статье С.Е. Ласточкин не прослеживает историю Мултан-Тукли. Между тем уже как минимум с начала XVIII в. Мултан-Тукля и связанные с ней поселения входили в иные, нежели Большая Тукля, малые административно-территориальные образования.

⁴ Приведены данные I ревизии как более точные в сравнении с итоговыми данными ландратской переписи.

⁵ Здесь и далее употребление сокращенных или расширенных названий одних и тех же населенных пунктов (как, например, “д. Малый Мултан” – “д. Малый Мултан себе усадом”) связано с тем, что со временем названия сильно менялись, в том числе в результате деятельности переписчиков. Мы рассматриваем приводимые названия как официальные в указанный момент времени и передаем согласно тексту использованного источника.

⁶ Значительно меньшее в сравнении с мужским число душ женского пола, в первую очередь, следует объяснять особенностью источников, созданных в фискальных целях.

⁷ К сожалению, ревизские сказки 1782 г., а также 1795 г., по изучаемым населенным пунктам отсутствуют. Итоговые демографические показатели по отдельным селениям извлечены из соответствующих сводных ведомостей.

⁸ Подобное предположение нельзя исключить и для более ранних периодов.

⁹ К сожалению, сказки IX и X ревизий далеко не всегда указывали этно-словный статус жителей населенных пунктов, однако можно предполагать проживание русских в д. Поршур-Тукля, д. Узей-Тукля, с. Ува-Тукля и др. и пока что их отсутствие в поч. Маковыр.

¹⁰ В 1859–1880 гг. Кейлудской.

¹¹ Основание данного селения напрямую увязывается с родом Монья (д. Анлеть-Монья, Ключи-Монья тож, 1782–1795 г.) (ЦГАКО: Ф. 176. Оп. 2. Д. 116. Л. 544–544об).

¹² Небольшая часть основателей селения (один двор из шести) происходила из д. Пеки-Жикья.

¹³ Меньшая часть первопоселенцев (два двора из пяти) происходила также из д. Узей-Тукли.

¹⁴ Среди первопоселенцев отмечены также выходцы из д. Пуштовой и д. Актемыр-Ошмес (Жейлуд).

¹⁵ В 1870 г. и, вероятно, последующие годы удмурты выселились из деревни, образовав новое селение.

¹⁶ Выражаем признательность И.М. Траткановой (г. Сарапул) за предоставление ряда документов.

¹⁷ Заметим, что массово удмурты бывшей Арской дороги стали приобретать фамилии лишь в конце XIX – начале XX в., окончательно – в первые годы Советской власти.

¹⁸ Информатор – уроженец д. Пуштовой В.С. Пислегин, 1957 г.р.

¹⁹ Если судить по этой дате, Пислегу не могло быть в 1747 г. 17 лет.

Источники и материалы

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 3. Оп. 2. Д. 73.

НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН – Научный архив Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук. РФ. Оп. 2-Н.

Приложение 1885а – Приложение к материалам по статистике Вятской губернии. Т. 1. Малмыжский уезд. Ч. 1. Материалы для оценки земельных угодий. Приложения. Вятка: тип. Куклина, 1885.

Приложение 1885б – Приложение к материалам по статистике Вятской губернии. Т. 1. Малмыжский уезд. Ч. 2. Подворная опись. Вятка: тип. Куклина, 1885.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Списки 1876 – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 10. Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859–1873 годов. СПб.: изд. Центрального статистического комитета МВД, 1876.

Удмуртское Прикамье 2009 – Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. [CD-Rom] / автор-сост. Чураков В.С. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009.

Удмуртское Прикамье 2016 – Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII – начала XVIII веков. Вып. 2. [CD-Rom] / автор-сост. Чураков В.С. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2016.

ЦГАКО – Центральный государственный архив Кировской области.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

Partie du territoire de Casan s.a. – Partie du territoire de Casan au nord du Kama et territoire d'Ourjoum. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003160k> (Дата обращения: 08.04.2021 г.).

Научная литература

Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001.

Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010.

Белых С.К., Сахарных Д.М., Чураков В.С. П.М. Сорокин. О расселении удмуртских родов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 1. С. 75–100.

Васильева О.И. Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. 1917–1941 гг. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999.

- Герд К. Дёкъя выжы удмуртъёс // Гудыри. 05.10.1924. № 146. С. 2.
- Загребин А.Е. В.П. Налимов в Удмуртии: к истории одного незавершенного научного проекта // Ежегодник финно-угорских исследований. 2009. № 1. С. 192–198.
- Игнаш П. Удмурты селтинского рода // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Вып. 5 / Под ред. Ф.В. Стрельцова. Ижевск: Удкнига, 1928. С. 27–30.
- Ласточкин С.Е. Вотяки “Туклинского” рода // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Вып. 2 / Под ред. Ф.В. Стрельцова. Ижевск: Удкнига, 1926а. С. 70–76.
- Ласточкин С.Е. Тукля выжы удмуртъёс // Кенеш. 1926б. № 5–6. С. 47–49.
- Перевозчиков С.Т. О вотяках деревни Шудзи Советской волости Ижевского уезда // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Вып. 2 / Под ред. Ф.В. Стрельцова. Ижевск: Удкнига, 1926. С. 77–81.
- Пислегин Н.В. Община в обыденной жизни крестьян Удмуртии: материалы конца XVIII – первой половины XIX века // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2013. № 1. С. 24–32.
- Пислегин Н.В. Герой Советского Союза Виктор Пислегин, его деревня и родные. Зарисовки на основе документальной кинохроники // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 5. С. 32–41.
- Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII века, вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию // Вопросы истории естествознания и техники. 2005. № 3. С. 17–38.
- Пудов А.И. История увинских деревень: учебное издание. Ува: Изд-во администрации Увинского р-на, 2000.
- Садилов Р.Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008.
- Садилов Р.Р. Жречество закамских удмуртов в конце XX – начале XXI в.: традиции и новации // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы / Отв. ред. М.П. Безенова. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 535–539.
- Чураков В.С. Из истории изучения названий удмуртских родов // Этнографическое обозрение. 2007. № 4. С. 149–159.
- Чураков В.С. Обзор фольклорно-лингвистических и археолого-этнографических экспедиций, работавших среди удмуртов в 20-е – 30-е годы XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 2. С. 102–115.
- Чураков В.С. К проблеме определения времени жизни основателей старейших удмуртских родов-выжы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 36. С. 19–24.
- Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009.

Research Article

Pislegin N.V., and V.S. Churakov. The Tuklia Clan Udmurts in the 17th – Early 20th Centuries According to Tales and Written Sources [Udmurty tuklinskogo roda v XVII–nachale XX v. po dannym predanii i pis'mennykh istochnikov]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 2, pp. 101–118. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020075>
EDN: HRNINN ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Nikolai Pislegin | <https://orcid.org/0000-0003-3031-031X> | cpeg@rambler.ru | Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Tatiana Baramzina St. 34, Izhevsk, 426067, Russia)

Vladimir Churakov | <https://orcid.org/0000-0001-9998-3294> | vermis3@gmail.com | Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Tatiana Baramzina St. 34, Izhevsk, 426067, Russia)

Keywords

Udmurtia, Udmurts, Tuklia, clan system, vyzhy clan, genealogy, lineages, local history

Abstract

Among the larger genealogical lineages of Udmurts is the clan of Tuklia which has drawn the attention of scholars ever since the late 19th century. Still, a work written by S.E. Lastochkin as early as in 1926 remains the most substantial account of this topic to date. In this article, we attempt to compare data available through archival sources and scholarly literature with historical legends and tales, examine the development of Tuklia clan's network, and explore the character of its relations with Udmurts' neighbor clans and other ethnic groups. We pay special attention to the religious cults that were found among the *Tuklintsy* in the past. We believe that the comparative approach to the study of historical and ethnographic evidence has helped us to present the most detailed picture of the origin and growth of three major centers of the Tuklia clan.

References

- Atamanov, M.G. 2001. *Po sledam udmurtskikh vorshudov* [In the Footsteps of the Udmurt Vorshuds]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Atamanov-Egrapi, M.G. 2010. *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda* [The Origin of the Udmurt People]. Izhevsk: Udmurtiia.
- Belykh, S.K., D.M. Sakharnykh, and V.S. Churakov. 2007. P.M. Sorokin. O rasselenii udmurtskikh rodov [About the Resettlement of the Udmurt Clans]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii* 1: 75–100.
- Churakov, V.S. 2007. Iz istorii izucheniia nazvaniia udmurtskikh rodov [From the History of Studying the Names of the Udmurt Clans]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 149–159.
- Churakov, V.S. 2010. Obzor fol'klorno-lingvisticheskikh i arkhologo-etnograficheskikh ekspeditsii, rabotavshikh sredi udmurtov v 20-e – 30-e gody XX veka [Review of the Folklore, Linguistic and Archaeology-ethnographic Expeditions among the Udmurts in the 20th – 30th of the XX Century]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* 2: 102–115.
- Churakov, V.S. 2013. K probleme opredeleniia vremeni zhizni osnovatelei stareishikh udmurtskikh rodov-vyzhy [On the Definition of the Lifetime of the Oldest Udmurt Clans' Progenitors]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 36: 19–24.
- Gerd, K. 1924. Dok'ya vyzhy udmurt'yos [Udmurts of the Dökya Clan]. *Gudyri* 146: 2.
- Lastochkin, S.E. 1926a. Votiaki “Tuklinskogo” roda [Udmurts of the Tuklya Clan]. In *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia* 2, edited by F.V. Strel'tsov, 70–76. Izhevsk: Izdatel'stvo Udkniga.
- Lastochkin, S.E. 1926b. Tuklia vyzhy udmurt'es [Udmurts of the Tuklya Clan]. *Kenesh* 5–6: 47–49.

- Perevozshchikov, S.T. 1926. O votiakah derevni Shudzi Sovetskoï volosti Izhevskogo uezda [On Votyaks of the Shudzi Village, Sovetskaïa Province, Izhevsk District]. In *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia 2*, edited by F.V. Strel'tsov, 77–81. Izhevsk: Izdatel'stvo Udkniga.
- Pislegin, N.V. 2013. Obshchina v obydennoi zhizni krest'ian Udmurtii: materialy kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX veka [Community in the Everyday Life of the Peasants of Udmurtia: Materials of the Late 18th – First Half of the 19th Century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriia i filologiya 1*: 24–32.
- Pislegin, N.V. 2014. Geroi Sovetskogo Soiuzu Viktor Pislegin, ego derevnia i rodnye. Zarisovki na osnove dokumental'noi kinokhroniki [Hero of the Soviet Union Viktor Pislegin, his Village and Family. Sketches based on Documentary Newsreels]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii 5*: 32–41.
- Postnikov, A.V. 2005. Novye dannye o rossiiskikh kartograficheskikh materialakh pervoi poloviny XVIII veka, vyvezennykh Zh.-N. Delilem vo Frantsiiu [New Data on Russian Cartographic Materials of the First Half of the 18th Century, exported by J.-N. Delisle to France]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki 3*: 17–38.
- Ignash, P. 1928. Udmurty Seltinskogo roda [Udmurts of the Selta Clan]. In *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniiu Votskogo kraia 5*, edited by F.V. Strel'tsov, 27–30. Izhevsk: Izdatel'stvo Udkniga.
- Pudov, A.I. 2000. *Istoriia uvinskikh dereven': uchebnoe izdanie* [History of Uva Villages: Educational Edition]. Uva: Izdatel'stvo administratsii Uvinskogo raiona.
- Sadikov, R.R. 2008. *Traditsionnye religioznye verovaniia i obriadnost' zakamskikh udmurtov (istoriia i sovremennye tendentsii razvitiia)* [Traditional Religious Beliefs and Rituals of the Transkama Udmurts (History and Modern Development Trends)]. Ufa: Tsentr etnologicheskikh issledovaniï Ufinskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk.
- Sadikov, R.R. 2019. Zhrechestvo zakamskikh udmurtov v kontse XX – nachale XXI v.: traditsii i novatsii [Priesthood of the Transkama Udmurts in the Late 19th – Early 21st Centuries: Traditions and Innovations]. In *Finno-ugorskii mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy*, edited by M.P. Bezenova, 535–539. Izhevsk: Izdatel'stvo Anny Zeleninnoi.
- Shutova, N.I., V.I. Kapitonov, L.E. Kirillova, and T.I. Ostanina. 2009. *Istoriko-kul'turnyi landshaft Kamsko-Viatskogo regiona* [Historical-cultural Landscape of the Kama-Vyatka Region]. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk.
- Vasil'eva, O.I. 1999. *Udmurtskaia intelligentsiia. Formirovanie i deiatel'nost'. 1917–1941 gg.* [Udmurt Intelligentsia. Formation and Activity of 1917–1941]. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk.
- Zagrebin, A.E. 2009. V.P. Nalimov v Udmurtii: k istorii odnogo nezavershennogo nauchnogo proekta [V.P. Nalimov in Udmurtia: on the History of One Unfinished Scientific Project]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï 1*: 192–198.